

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Корифей одесской школы
Публикация Марины ВЕРХОВЕЦКОЙ 251

Марина ВЕРХОВЕЦКАЯ
Будь прост, как ветер, неистощим, как море . . 258

Елена КОЛТУНОВА
Когда умолкнул звук трамваев 261

Корифей одесской школы

Одесские художники всегда поддерживали тесные дружеские связи с крупнейшими художественными объединениями Москвы и Петербурга. Участвовали в их выставках, а также совместно с ними выступали на международных площадках в Риме, Венеции, Вене. Они с удовольствием принимали участие также и в отечественных акциях. Так, киевский журнал "В мире искусств", организованный А. Филипповым в 1907 г., проводил ряд художественных выставок в Киеве, Одессе, Харькове, Вене, где объединял художников новейших течений. На его страницах в № 1 за 1910 г. П. Нилус и поместил свою статью о знаменитом одесском мастере К.К. Костанди к 25-летию юбилею педагогической деятельности академика живописи К.К. Костанди в Одесской рисовальной школе.

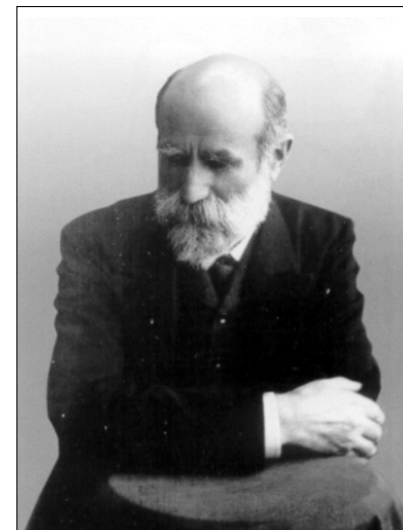
Статья публикуется впервые.

Марина ВЕРХОВЕЦКАЯ

К. К. Костанди.

Сердце поэта — безданный самоцвет велик, или малъ онъ, его суть одна и та же — онъ прекрасенъ и вѣченъ и сияетъ неподдѣльнымъ свѣтомъ.

К. К. Костанди — несомненно одинъ изъ людей, обладающихъ талантомъ самоцвѣтнымъ, вмѣстѣ съ прекраснымъ солнцемъ умѣреннаго юга, впитавшимъ въ себя красоту нашего побережья, и врядь-ли я ошибусь, если скажу, что благодаря таланту К. К., мы поняли прелесть пейзажа нашихъ окрестностей. Онъ намъ открылъ весеннія сумерки, горячіе дни лѣта, золотистые закаты осени — необыкновенной, трогательной, наивной красоты, о которой мы до К. К. и не подозревали...

Самоцветовъ въ природѣ немного, а истинный художникъ, пѣвецъ несетъ въ міръ сокровища своей души — все новые и новые самоцветы, на землѣ созидаются все новыя и новыя сокровища мысли, чувства — самое драгоценное, что есть въ мірѣ. Но художники оригинальные страшно рѣдки, — и какъ же намъ не радоваться сегодняшнему празднику, какъ не торжествовать нашему городу, когда съ нами

жить истинно-прекрасный художник, который открыл нам глаза, научил понимать красоту нашей природы, бедной, но изящной, не бросающейся в глаза картинными красотами шаблонных панорам, но богатой своей простотой!..

Чрезвычайно редко бывает, чтобы с талантом сочетались и высокие душевные качества. Восприимчивая душа художника так чувствительна, так легко доступна зависти, ненависти, гордыни. Жизнь уберегла К. К. от своей накипи, тлетворного прикосновения. Здоровый ум, здоровое тело воспротивились яду мелкой, суетливой жизни, поработавшему душу. Среди нашей лицемерной жизни он остался жить, как волна Черного моря, на берегу которого он родился и впитал в себя его живое дыхание.

Когда говорят о К. К., то даже у людей мало знающих его появляется оттенок уважения к особой исключительности его личности. Так говорят о людях высокого образа жизни, мудрецах, отшельниках, пренебрегших житейскими благами во имя высокого. К. К. — наша художественная совесть, его влияние в местном товариществе художников благотворно, жизненно, и, мне кажется, в нашей среде нет художника, который бы так или иначе не считался с его мнением; оканчивая картину, каждый из нас непременно подумает о том, что скажет К. К., когда увидит его произведение: осудит или одобрит?.. К. К. прекрасный пример того, как нужно относиться к жизни: среди невзгод и оскорбительно-мещанской жизни он спокойно идет своим многотрудным путем, отдавая себя людям, не мечтая ни о каком воздаянии за свое дело, и если ему иной раз мечтается слава, то не эфемерная слава улицы, а слава старых мастеров...

Мы придем сегодня в дом общества изящных искусств и расскажем нашему юбиляру, за что мы его любим как человека и как художника, и я глубоко убежден, что на этом чествовании не будет сказано ни единого фальшивого слова юбилейной лжи.

* * *

К. К. Костанди родился в 1852 г., в небогатой семье рыбопромышленника, неподалеку от Одессы, в д. Дофиновка на берегу моря, но, как это ни странно, не написал за всю свою жизнь ни одной морской картины — общая черта большинства одесских художников. Зато тихая, теплая, весенняя зорька, золотые закаты, вечерний звон, текущий через залив в Дофиновку из Одессы, оставили навсегда след в душе будущего художника, который, лишь много лет спустя, выявился в его творчестве.

"Что, собственно, послужило толчком к занятию живописью, определенно

сказать не рѣшаюсь, — сказал однажды К. К., — но думаю, что те лубочные картинки, которыми любили украшать стены мои родители, дали первый толчок и возбудили интерес к изображениям".

Первые шаги К. К., как и многих художников, были направлены к фотографу; это был 68-69 г. К. К. поступил к Бюлову, тогда известному одесскому фотографу, славившемуся раскрашенными портретами масляными красками. В то же время молодого художника поразили эстампы Библии Шпора, и он усердно занялся копированием, — но эти занятия не могли дать начинающему художнику, кроме известного опыта, ничего.

В 70 году К. К. начал посещать бесплатные классы нашего общества изящных искусств, а с 71 года стал заправским учеником школы. Тогда преподавали в нашей школе: Юрины, Бауер и Мальмонь — они были учителями не только по званию, холодно, по обязанности, отсуживающими свои часы в ненавистном учебном заведении, но искренно любили и искусство и своих юных учеников, и, вероятно, от них позаимствовал К. К. тот редкий преподавательский такт и умение деликатно и в то же время убедительно, не оскорбляя, быть и строгим учителем и другом своих учеников.

В 74 году школьные товарищи К. К.-ча уехали в Петербург, в академию художеств, а он, не имея средств, принужден был остаться дома.

Случайно приехал в Одессу погостить к своей дочери, О. П. Литри, П. К. Айвазовский. Молодой художник был представлен знаменитому маринисту, который отнесся тепло к молодому Костанди и устроил ему стипендию сперва у греческого консула И. Ю. Вучины, а впоследствии у его брата Александра Вучины.

В 74 году К. К. поступил в петербургскую академию художеств, где работал под влиянием Чистякова, одного из лучших профессоров академии и тогда и теперь. В академии К. К. пробыл с перерывами 10 лет и свыкся настолько с севером, что, казалось, в нем не осталось и намека на жителя страны солнца: он тогда интересовался, под влиянием Эрмитажа, гармониями темных тонов.

Первая его картина, появившаяся в 84 г. на передвижной выставке, "У больного товарища" (галерея Третьякова), сразу обратила на себя внимание публики и особенно художников. "Властитель дум" того времени, П. Н. Крамской, автор знаменитых "писем", очень хорошо отзывался о новоявленном художнике. Вторая картина "Свидание" (собрание И. Вульфа), хотя изображала солнечный пейзаж с фигурами, северное, холодное, темное солнце, все еще не выражало вполне своеобразного взгляда на природу К. К.-ча. Третья картина "В люди" (галерея Терещенко) опять была написана в темных тонах. Все эти три произ-

ведения, хотя по тому времени были и значительны, но К. К. никогда, впоследствии, не возвращался к таким сюжетам, не мечтал послѣ холодного, темнаго Петербурга ни о большихъ товарищахъ, ни о крестьянкахъ, отправляющихся "в люди" — всѣ эти мотивы были навѣяны временемъ ортодоксовъ-реалистовъ, "идейныхъ художниковъ", во главѣ съ П. Н. Крамскимъ и Н. А. Ярошенко. К. К. сталъ настоящимъ художникомъ только на родинѣ, когда сталъ изображать близкій его сердцу одесскій Большой Фонтанъ. Петербургскій періодъ имель и благотворное вліяніе на К. К-ча, и можно сказать съ увѣренностью, что, не будь въ Петербургѣ Эрмитажа, обученіе его в академіи прошло бы безслѣдно. Правда, былъ въ то время въ академіи, и понынѣ здравствуетъ, Чистяковъ — удивительно характерная фигура, — но все же и Чистяковъ, влюбленный въ старыхъ мастеровъ, воспитанникъ все того же Эрмитажа, сѣверянинъ, не могъ понять южанина. Въ это время заблесталъ И. Е. Рѣпинъ, который, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на К. К., но не въ смыслѣ позаимствования формы или красокъ, а только въ томъ смыслѣ, что Рѣпинъ того періода былъ непосредственъ, какъ никогда потомъ. Пользовался совѣтами и встрѣчался К. К. со всѣми знаменитыми "передвижниками" 80-хъ годовъ и, вѣроятно, отъ нихъ позаимствовала необыкновенную добросовѣстность, и даже нѣкоторый педантизмъ, на нѣсколько лѣтъ задержавшій развитие К. К., почувствовавшего какой-то страхъ предъ картиной. Но зато, въ это время, К. К. писалъ много этюдовъ, обогащая себя изученіемъ, любовно относясь къ каждой подробности, и въ то же время писалъ и широко, устремляя всю заботу, все вниманіе на т о н ъ, правильность взаимоотношенія пятенъ и, можно сказать, что вряд-ли кто-нибудь изъ русскихъ художниковъ того времени, ксли не считать Н. Д. Кузнецова и И. Е. Рѣпина, такъ понималъ краску, какъ К. К.

Въ 85 году К. К. былъ приглашенъ Н. П. Кондаковымъ въ одесскую рисовальную школу, уже реорганизованную тогда, и съ тѣхъ поръ пробылъ 25 леть ея старшимъ преподавателемъ.

Съ переѣздомъ въ Одессу К. К. скоро вступилъ на настоящую дорогу, нашель себя; темная гамма тоновъ была забыта, и К. К. сталъ настоящимъ южнымъ художникомъ, несравненнымъ колористомъ сумерекъ, яркихъ, солнечныхъ дней, нашей бѣдной природы, небогатой разнообразіемъ формъ, но обладающей несравненной прелестью серебристаго одесскаго солнца. Но до этого періода прошло 13-14 лѣтъ въ экспериментахъ, исканіяхъ себя, и много лѣтъ чувство изысканной скромности и строгости къ своимъ поступкамъ удерживало К. К. отъ искушенія выставокъ. Казалось, на югѣ было забыто увлеченіе темными гармоніями тоновъ, изображение бытовой жизни, чуждой его душѣ. Поселившись въ Одессѣ, К. К. снова вспоминаеть вечерній звонъ, доносящийся изъ дальняго города къ берегамъ родной Дофиновки, нѣжныя лѣтнія сумерки, съ растянувшейся по горизонту тучкой...

Приѣхавъ въ Одессу въ 85 году, съ подготовленными холстами въ темной гаммѣ, К. К. сначала пробуетъ ихъ закончить... но темные холсты скоро отворачиваются къ стѣнкѣ и только много лѣтъ спустя они появляются на выставкахъ. Къ этому времени относится первая заграничная поѣздка К. К-ча. Какъ бы отзвукомъ заграничнаго вліянія появляется картина выздоравливающаго, въ легкихъ тонахъ (галерея Терещенко); но этотъ періодъ былъ очень кратокъ.

Годъ спустя К. К. уже нашель себя, и его двѣ картины, изображающіе гусей, среди пейзажей въ сѣрой и золотистой тональностяхъ, ему удаются удивительно. Съ тѣхъ поръ темные колеры надолго забываются и К. К. пишетъ то легкія сумерки, то фигуры среди пятенъ свѣтотѣни и рефлексовъ, то фигуры "старичковъ" на скамейкѣ Александровскаго парка, еще совсемъ юнаго тогда, съ силуэтомъ города вдали (собрание Е. К. Петрокино). Въ этотъ періодъ девяностыхъ годовъ К. К. написалъ много этюдовъ большого художественнаго значенія. Не разъ онъ говаривалъ тогда, что работа прямо съ натуры доставляетъ ему полное удовольствіе, и дѣйствительно уголки Большаго Фонтана, сухая пыль дорогъ, нѣжная прелесть акацій, дали съ силуэтами низкорослыхъ деревьевъ, виноградники, горячія пятна солнца, — всѣ эти впечатленія отразились ясно и трогательно въ его этюдахъ, часто похожихъ на оконченныя картины. Они всегда полны искренности, силы, выразительности и благородства.

Среди безчисленныхъ художниковъ нашего безвременья, размножающихся, какъ только размножаются организмы низшей организациі: среди художниковъ новой формациі, новаго холоднаго, трафаретнаго искусства, фигура К. К. выдѣляется необыкновенно ярко, какъ укорь, какъ напоминаніе о забытой вѣрѣ, любви къ природѣ, объ истинномъ отношеніи къ искусству...

Самое значительное, что сдѣлалъ К. К. Костанди, въ чемъ онъ выразился наиболее полно и ярко, относится къ послѣднимъ 10-12 годамъ. "Монахъ" (галерея Руссова) самое типичное произведеніе К. К. Никогда ему не удавалось такъ ярко и глубоко выразить прелесть нашей одесской весны. Теплый, и, въ то-же время, серебрищійся свѣтъ заливаеъ картину. Куполы фонтанскаго монастыря, стѣны, въ легкой полуденной тѣни, дрожащей зелеными и теплыми рефлексами отъ первой весенней, мягкой, южной, земли. Деревца акацій, еще дремлющихъ въ зимнемъ снѣ, сверкающее небо... По дорогѣ, отъ монастырскихъ воротъ, идетъ старенькій монахъ съ палочкой — все полно мира и радости теплаго весенняго дня — безсмертной радости человѣчества...

Другая замѣчательная картина К. К. появилась лѣтъ шесть тому назадъ, "Сирень", очень популярная въ Одессѣ, благодаря безчисленнымъ копіямъ (находится въ одесскомъ городскомъ музеѣ). Изображаетъ снова уголокъ у б.-фонтанскаго монастыря, но, на этотъ разъ, монастырскіе куполы, стѣны купаются въ предве-

черних тонах розоваго заката. Первый планъ уже въ тѣни, только кое-гдѣ, между цвѣтушихъ кустовъ сирени и желтой акаціи, скользятъ косыя золотыя полосы. Среди сирени, на скамейкѣ, сидитъ, опустивъ голову на руки, молодой монахъ. Весна, радость жизни и темная фигура монаха говорятъ о неоконченной трагедіи, и чьей-то печальной жизни... И кажется, чувствуешь, среди трепетанія красокъ розоваго золота, предвечерняго солнца, мѣдннй, длящійся звукъ колокола, зовущаго къ вечернѣ, молитвѣ, безрадостному блаженству.

* * *

К. К. Костанди, какъ истинный самоцвѣтъ, никому не подражаетъ. Отличительныя качества его живописи: — необыкновенно глубокій, пѣвучій тонъ, умѣнье владѣть рефlekсами; своеобразный языкъ его кисти, отношеніе къ рисунку, свѣтотѣнь, композиція — все говоритъ о настоящемъ, большомъ художникѣ, черпающемъ только изъ своей глубоко одаренной души.

Если стать на точку зрѣнія историка, то нужно думать, что будущій авторъ "Исторіи живописи въ Россіи" отведетъ К. К.-чу почетное мѣсто среди художниковъ "интимистовъ", и долженъ будетъ непременно сказать, что К. К. внесъ въ міръ самостоятельную ноту, живой, бодрый взглядъ на природу. Сказать, что К. К., сказавъ свое слово, опредѣленное и ясное, находится въ періодѣ повторяемости прошлыхъ мотивовъ, какъ это обыкновенно бываетъ къ шестидесяти годамъ жизни, — никакъ нельзя. Наоборотъ, уже въ его "Сирени" прежній его методъ ломается: одна часть картины написана въ его прежнемъ типичномъ родѣ — вторые и первые планы; другая часть — средніе планы — трактуется въ новомъ родѣ: онъ начинаетъ упрощать формы, заботится о болѣе широкихъ пятнахъ. Но наиболѣе ярко проявилось его новое отношеніе къ натурѣ въ его послѣднихъ картинахъ, только тонъ остается прежнимъ, становясь все болѣе увѣренным, звучнымъ и густымъ.

* * *

Остается сказать еще нѣсколько словъ о педагогической дѣятельности К. К. Эта дѣятельность чрезвычайно плодотворна. Теперь, после 25 лѣтъ преподаванія въ одесской школѣ рисованія, оглянувшись на фаланги своихъ учениковъ, К. К. можетъ сказать съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія, что онъ открылъ глаза на міръ красокъ, линий не одному десятку людей, ставшихъ художниками.

Самой замѣчательной чертой К. К. какъ преподавателя, является особое умѣнье дать почувствовать красоту. Онъ для этого не прибѣгаетъ къ утомительно-

му многословію, говорить просто, можетъ быть не всегда ясно, но вы вѣрите ему, а главное угадываете между словъ тайну живописной красоты, которой онъ учитъ, неподдающуюся никакимъ описаніямъ, самодовлѣющую и — увь! — такъ мало понятную большинству людей! Его слова какъ-то особенно поражаютъ воображеніе, отзываются нужнымъ, всегда вѣрнымъ тономъ в томъ невѣдомомъ приѣмникѣ, въ которомъ отражаются рефlekсы живописной красоты.

Вотъ почему такъ любятъ и чтутъ его бывшіе ученики и въ трудную минуту сомнѣній находятъ въ немъ добраго, отзывчиваго товарища, умѣющаго сказать и слово ободренія, и слово осужденія, въ устахъ К. К. звучащее бодрымъ призывомъ къ работѣ, жизни...

П. Нилусъ.

Журнал "Въ міре искусствъ", 1910 г., №№ 1-3.

